

вие, Религия и мир, Пастырское богословие. Ёё. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/print/1126405.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

6. Лоргус А. Православная антропология. Курс лекций / А. Лоргус. – М. : Граф-Пресс, 2003. – Вып. 1 – 216 с.

7. Мень А. Исагогика: курс по изучению Священного Писания: Ветхий Завет : в 2 ч. / А. Мень. – М. : Фонд им. А. Меня ; Общедоступный православный университет, 2000. – 631 с.

8. Новичкова Т. А. Сор и золото в фольклоре / Т. А. Новичкова // Полярность в культуре / сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова. – СПб. : Corvus, 1996. – С. 121–156. – (Альманах «Канун». Вып. 2).

9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

10. Памятники древней христианской письменности в русском переводе: Пять книг против ересей: приложение к Православному обозрению / И. Лионский ; авт. пред. П. Преображенский. – М. : Университетская типография (Катков и Ке), 1868. – 716 с. – (Православное обозрение).

11. Пастырь, Гермы / под ред. И. Свенцицкой ; коммент. И. Свенцицкой. – М. : Прищель, 1997. – 111 с.

12. Писания мужей апостольских: репринтное воспроизведение издания, выпущенного в 1895 г., с доп. – Рига : Латвийское Библиейское Общество, 1994.

13. Писарев Л. И. Очерки из истории христианского вероучения патристического периода: Век мужей апостольских (I и начало II в.) / Л. И. Писарев. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2009. – 576 с. – (Библиотека христианской мысли. Исследования).

14. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmusa, А. А. Тахо-Годи ; примеч. А. Ф. Loseva, А. А. Тахо-Годи ; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1993. – 528 с. – (Философское наследие). – Т. 2.

15. Постановления Апостольские (в русском переводе). Constitutiones apostolicae. – Казань : Губернская типография, 1864. – 308 с.

16. Сидоров А. И. Курс Патрологии: Возникновение церковной письменности : учеб. пос. / А. И. Сидоров. – М. : Русские огни, 1996. – 348 с.

17. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки икононого дела в императорской России / О. Ю. Тарасов. – М. : Прогресс : Традиция, 1995. – 496 с.

18. Тагиан. Речь против Эллинов / пер. П. Преображенского // Антология: Ранние Отцы Церкви. – Брюссель : Изд-во «Жизнь с Богом», 1988. – С. 369–404.

19. Трубецкой С. Н. Сочинения / С. Н. Трубецкой. – М. : Мысль, 1994. – 816 с. – (Т. 120. Философское наследие).

20. Учение двенадцати апостолов / пер. и коммент. А. Сидорова // Символ. Журнал христианской культуры. – Париж, 1993. – № 29. – С. 275–305.

21. Филон Александрийский. Толкования Ветхого Завета / пер. и коммент. А. В. Вдовиченко, М. Г. и В. Е. Витковских, О. Л. Левинской ; вступ. ст. Е. Д. Матусовой. – Москва : Греко-латинский кабинет М. Ю. Шичалина, 2000. – 456 с. – ISBN 5-87245-058-3.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ФЕНОМЕНА ПОТРЕБЛЕНИЯ В СВЕТЕ СУБСТАНЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

**Е.В. Гайнутдинова
(Россия, Астрахань)**

Спекуляция на понятии «потребность» определяет для нас установку на потребление, демонстрируя то, что человеческая сущность такова и ничего с этим поделать нельзя. Тогда как, по сути, объективные причины могут играть зачастую лишь косвенную роль в ситуации, если субъект соизмеряет навязываемые ему стереотипы с тем, что ему действительно необходимо и с тем, как это соответствует его внутреннему миру и системе духовных потребностей. Системность в деятельностном подходе, заданная субстанционально-деятельностной теорией, позволяет рассмотреть причины развития деятельности человека и общества в целом, тем самым показывая, что причиняющие факторы деятельности интерсубъективны, в связи с чем именно от субъекта зависит то, насколько он будет зависим от процесса потребления.

Profiteering from the meaning "consumption" determines the purpose for us to consumption demonstrating that a human being is so and nothing can be done with it. As a matter of fact, objective purposes can often play only a indirect role in the situation, if the self commensurates stereotypes imposed to him with that he really needs, and with how it corresponds his inner world and the system of spiritual needs. Systematic in the qualifying achievement given by the substantial-qualifying the-

ory, allows to review the purposes of the development of the human activity and society on the whole, thereby it shows that causing activity factors are intersubjective, in connection with it, it depends just on the self how much he will be depended on the consumption process.

Ключевые слова: потребность, потребление, социальное действие, субъект, объект, субстанционально-деятельностный подход.

Key words: need, consumption, qualifying achievement, substantial-qualifying achievement.

В настоящее время слово «потребность» (хочу подчеркнуть именно слово, а не понятие) постоянно на слуху. В средствах массовой коммуникации словом «потребность» называют любую необходимость, связанную с теми или иными явлениями нашей жизни. Сложно сказать, полезна или нет подобная тенденция упрощения восприятия и понимания понятия «потребность». Ясно одно, что такая ситуация воспринимается так, будто общественность признала тот факт, что мы живем в эпоху глобального потребления и, вероятно, с этим поделать уже ничего нельзя, поэтому будем демонстрировать свою покорность сложившейся действительности. Спекуляция на понятии «потребность» определяет для нас установку на безысходность, демонстрируя то, что человеческая сущность такова и ничего с этим поделать нельзя. Тогда как, по сути, объективные причины могут играть зачастую лишь косвенную роль в ситуации, если субъект соизмеряет навязываемые ему стереотипы с тем, что ему действительно необходимо и с тем, как это соответствует его внутреннему миру и системе духовных потребностей. В частности, ряд исследователей (И.С. Кон, А.В. Иващенко, В.С. Агапов, И.В. Барышников) отмечают то, что система духовных потребностей может вызвать вслед за изменениями внутреннего мира личности качественные изменения ее Я-концепции.

Зачастую потребление интерпретируется как фактическая и жизненно необходимая данность. Однако, как справедливо отмечает Ж. Бодрийяр, что если бы потребление было тем, чем его наивно считают, – поглощением-пожиранием благ, – то рано или поздно наступило бы пресыщение. Если бы оно относилось к сфере потребностей, то мы должны были бы прийти к удовлетворению. Однако «потребление» именно потому столь неистребимо, что это тотально идеалистическая практика, которая за известным порогом уже не имеет больше ничего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности» [2, с. 168]. Подобная точка зрения позволяет разграничить понятия «потребность» и «предмет потребности» и, кроме того, дает подтверждение тому, что формы удовлетворения потребностей опосредуются сознанием, поскольку сознание способствует многогранному восприятию действительности, постольку оно порождает различные желания и средства их удовлетворения. В связи с этим каждый субъект может быть подвергнут внешнему воздействию со стороны коллективного сознания в силу неверного выбора линий удовлетворения потребности на уровне ее осознания.

Я думаю, что ответ на вопрос касательно роста потребления в современном обществе находит Хосе Ортега-и-Гассет, объясняя данный феномен тем, что массе стали доступны те блага, которые были раньше доступны лишь избранным, в связи с чем он называет современную ему эпоху *эпохой реализации неудовлетворенных желаний*, но как данная фраза характерна для сегодняшней ситуации [13, с. 5–7]. Фактически современный человек находится постоянно в погоне за тем, чтобы обладать хотя бы чем-то, что доступно избранным, или как они себя называют «элитой», а глянец журналы и их электронные версии этому активно способствуют, показывая то, какую одежду, парфюм, технику предпочитают известные люди. При этом мыслитель точно указывает на особенность формирования сегодняшней элиты, отмечая подобное высказывание как общий принцип формирования так называемых избранных групп, которые, по сути, тешат свой эгоизм, намеренно искажая смысл понятия «избранный»: «Когда речь заходит об "избранном меньшинстве", лицемеры сознательно искажают смысл этого выражения, притворяясь, будто они не знают, что "избранный" – вовсе не "важный", т.е. тот, кто считает себя выше остальных, а человек, который к себе самому требовательней, чем к другим, даже если он лично и не способен удовлетворять этим высоким требованиям» [13, с. 3]. Данную особенность современной действительности отмечает и Дарендорф, указывая, что права не явля-

ются ни благом, ни злом – это социально определенное средство доступа, входные билеты к тем благам, что не доступны большинству [5, с. 23]. Фактически, отношение к потреблению и его благами становится точкой отсчета в ложном представлении об элите, как о тех, кому доступно и дозволено то, что недоступно для других. На это обращает внимание П.Л. Карабущенко, который называет существующую политическую элиту фантомом элиты, ее имитацией, если судить «элиту» по всем параметрам научного отбора [9, с. 110].

Исследуя проблему потребления в современном обществе, возникает необходимость обратиться к рассмотрению понятия «потребность», так как суть решения поставленного вопроса заложена именно в различной интерпретации как самой потребности, так и ее места в деятельностном процессе. В этой связи более целесообразно обратиться к сущности субстанционально-деятельностной парадигмы, поскольку для определения детерминационной роли потребности следует рассмотреть структуру деятельностного процесса. Это даст возможность представить потребность как основу поведения человека, а значит, владея информацией об определенном первичном наборе потребностей, мы имеем возможность правильно осознавать и варьировать свои потребности, что обуславливает отчасти предсказуемость поведения субъекта. Иначе говоря, субстанционально-деятельностная парадигма позволяет исследовать сущность проблемы более детально. В частности, Ю.А. Ющенко отмечает, что, когда требуется для социальной теории глубокое объяснение явлений и процессов социального мира, то «мы сталкиваемся с необходимостью раскрыть сущность и значение субстанционально-деятельностной парадигмы» [22, с. 32].

Деятельностный подход к пониманию человека и его мира получил широкое распространение в 1960–1970-е гг. Разработка деятельностного подхода велась такими теоретиками, как Г.С. Батищев, М.С. Каган, В.Н. Сагатовский, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, которые занимались углубленным понятийным анализом, изучали деятельность как способ бытия человека. Между тем некоторым из указанных ученых было свойственно абсолютизировать свою теорию относительно представлений о деятельности как о единственном универсальном способе существования человека, что в дальнейшем стало предметом критики многих философов. Эту особенность отмечал В.С. Швырев: «Вместе с тем бесспорно и то, что пафос утверждения деятельностного подхода заключал в себе опасности его универсализации, которые впоследствии стали предметом справедливой критики» [20, с. 107]. Однако нельзя отрицать тот факт, согласно В.С. Швыреву, что деятельностный подход как общая философско-мировоззренческая позиция у всех ее сторонников в нашей философии, несмотря на существенные различия в его трактовке, был органически связан с культурно-исторической концепцией общества и человека, был четко ориентирован против натурализма, исходил из примата роли и значения социокультурных норм в отношении человека к миру» [20, с. 107].

Системность в деятельностном подходе была задана субстанционально-деятельностной теорией, согласно которой рассматривались причины развития деятельности человека и общества в целом, т.е., в первую очередь, акцент приходился на причиняющие факторы деятельности и ее началах. Фундаментальные основы субстанционально-деятельностной парадигмы были заложены такими отечественными учеными, как М.С. Каган, Г.С. Арефьев, К.Х. Момджян, М.С. Кветной, М.В. Демин. В рамках субстанционально-деятельностного подхода под субстанцией понимают самозарождающееся и самоподдерживающееся качество объектов, способных собственными усилиями создавать, воссоздавать свою системную целостность, т.е. это то, что становится исходным началом систематизации категорий [12, с. 174]. Однако понятие «субстанция» в социально-философской теории до сих пор вызывает полемику среди ученых, поскольку ряд исследователей утверждают, что понятие «субстанция» устарело; другие считают категорию «субстанция» не применимой в социальной теории; третьи вообще соотносят категорию «субстанция» с понятием «материя». Между тем субстанционально-деятельностная теория актуализирует принцип детерминации применительно к социальной деятельности, обуславливающий нали-

чие причины любого явления. В частности Э. Дюркгейм утверждал: «социальные факты порождают друг друга согласно отношениям причины и следствия, определенным и неизменным, что ученый стремится наблюдать их посредством приемов, подобных тем, которые используются в науках о природе» [6, с. 266]. При этом до сих пор принцип детерминизма трактуется различными учеными с разных точек зрения, характеризуя его не только как причинность, начиная с формирования такого учения как индетерминизм, отрицающего объективную причинность, обусловленность явлений действительности, и продолжая позицией тех авторов, которые интерпретируют детерминизм как взаимодействие различных объектов. Например, В.В. Байлук утверждает, что существуют разные формы детерминации, поэтому факт отождествления категории детерминизм с категорией причинности вызывает возражение [1, с. 9]. Данные мнения не учитывают последовательность развития событий и склонны лишь отображать хаотическое восприятие действительности. В связи с этим Э. Дюркгейм указывает на обоснованное использование значения причинности в социальной деятельности, что обусловлено, по его мнению, поверхностным взглядом на то, как велик контраст между неукоснительной последовательностью развертывания явлений и хаотичным видом событий, которые фиксируются историей, поскольку «само то, что мы участвуем в этих событиях, склоняло к мысли, что существуя через нас, социальные факты зависят исключительно от нас и могут быть такими, как мы захотим» [6, с. 265].

Прежде чем рассмотреть структуру человеческой деятельности с целью обоснования потребности как детерминационного механизма деятельности, необходимо указать на социальное действие, являющееся, по мнению Ю.А. Ющенко, элементарной клеточной человеческой деятельности [22, с. 27].

Родоначальником понятия «социальное действие» считается М. Вебер, благодаря которому определилось различие смыслов «действие» и «осмысленное действие», где носителем последнего выступает только человек, имеющий возможность целенаправленно свои действия, проявлять волевые усилия за счет наличия сознания, а значит, и способности мыслить и выбирать: «"Социальным" действие становится только в том случае, если по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 602–603]. Иначе говоря, по мнению М. Вебера, социальным выступает не всякое действие индивида, а то, которое предполагает существование других людей.

Вебер выделяет 4 типа социального действия: 1) целерациональное, использующее средства для достижения рациональной цели; 2) ценностно-рациональное, основанное на вере в ценность определенного поведения независимо от его последствий; 3) аффективное; прежде всего эмоциональным; 4) традиционное, основанное на традициях, обычаях и привычках» [4, с. 642].

Однако, если исходить из того, что определение социального действия по Веберу выражается в «действии, сознательно ориентированном индивидом на ожидания других людей...» [4, с. 642], то аффективный тип социального действия, определяемый М. Вебером, не соответствует установленному им определению социального действия как осознанного действия, поскольку аффективное действие не опосредуется осознанной оценкой.

В дальнейшем ученые стали обвинять М. Вебера за субъективный подход к анализу структуры социального действия, поскольку он ориентируется в основном на идеальные типы действия. В частности, Т. Парсонс, создавая свою структуру социального действия, обращал внимание на данный факт, утверждая, что Вебер приводит эти четыре понятия как способ детерминации действия, оставляя открытым вопрос об их методологическом статусе. Тем не менее, Т. Парсонс полагал, что они, по определению, – преимущественно идеальные типы конкретного действия, но, употребляя их в более позднее время, М. Вебер имеет тенденцию помещать их в другом контексте. В свою очередь Т. Парсонс осуществил попытку представить социальное действие с учетом как субъективных, так и объективных моментов, что определилось в следующем виде: 1) «акт действия» предполагает агента, «деятеля» или «актора»;

2) акт по определению должен иметь «цель»; 3) акт предпринимается в «ситуации»; 4) «нормативная ориентация» цели [14, с. 94–95].

В своей концепции Т. Парсонс ориентируется на биологическую схему «организм – среда – окружение». При этом указывает, что «конкретную схему невозможно с ней отождествлять, она в некоторых отношениях аналогична ей» [14, с. 102]. Однако очевиден тот факт, что Т. Парсонс дает более структурированный анализ действия, но анализ М. Вебера – это теоретическая база исследования социального действия, на которую ориентируется сам Т. Парсонс. Между тем и первый, и второй варианты дают представления о действии как о целостном процессе.

По мнению Е.И. Кравченко, теория действия служит показателем целостности человеческой личности во всех ее проявлениях: «... Человеческая личность не сводится к сумме ее многообразных проявлений. Она едина на всех уровнях своего существования. Потому и действие следует рассматривать как контуры, очертания, в которых и через которые происходит зримое воплощение этого единства» [10, с. 139]. Данная позиция особо актуальна в условиях постмодернистской чувствительности как протест против децентрализованного субъекта, поскольку человеку не всегда свойственно хаотическое восприятие действительности, скорее она носит избирательный характер и четко подчинена причиняющему фактору, которым и является потребность. Кроме того, наличие сознания неотъемлемо связано с потребностями в том плане, что оно выполняет регулирующую, целенаправляющую функцию, координируя и варьируя существующие потребности по степени их препотентности, согласно ценностному потенциалу личности, ее интересам и стремлениям.

Социальное действие представлено взаимоотношением субъект – объект, где субъект – это носитель деятельности, а объект – предмет, вещь, т.е. то, что противостоит субъекту, как часть внешнего мира. По мнению Ю.А. Ющенко, «объектом деятельности может быть любое природное или социальное явление», т.е. объект выступает как «инициируемая сторона деятельности, как то, на что направлена активность субъекта» [22, с. 147].

Иначе говоря, социальное действие – это взаимодействие субъекта и объекта, осуществляющееся посредством внутренних и внешних связей, детерминантом которых выступают потребности.

Необходимость изучения структуры социального действия отмечают многие исследователи. Например, П. Штомпка указывает: «Проблема структуры и действия справедливо рассматривается как основная тема современной социальной теории... развитие теории действия начинает осознаваться как центральная проблема социологического теоретизирования» [21, с. 254], т.е. в качестве формирующих структуру социального действия выступают субъект и объект, в отношении которых образуются предпосылки начала деятельности. Например, С. Смирнов, определяя деятельность, утверждает, что деятельность – это не просто совокупность процессов реального бытия человека, опосредованных психическим отражением, она несет в себе те внутренние противоречия и трансформации, которые порождают психику, тем самым «и субъект и объект как бы "выдифференцировываются" из деятельности... Деятельность всегда носит опосредованный характер; в роли средств выступают орудия, материальные предметы, знаки, символы и общение с другими людьми» [16, с. 16–17]. Соответственно, объективное и субъективное находятся в постоянном взаимодействии, но не до степени того, как если устранить одну из сторон, то исчезает и другая, так как, с одной стороны, объекты природы не прекратят свое существование вместе с исчезновением человека; с другой стороны, исчезновение объектов, хотя и будет причиной устранения субъектов, но только с позиции устранения возможностей для удовлетворения потребностей (устранение предметов не освобождает нас от стремления к ним). Фактически, потребность выступает связующим звеном во взаимодействии субъективного и объективного.

Наряду с этим человеческая деятельность не замыкается только на субъектно-объектных отношениях. Будучи специфически человеческой формой активности деятельность предполагает наличие также субъектно-субъектных отношений, форми-

рующихся благодаря способности субъекта к саморазвитию, самоанализу и стремлению к социальным взаимоотношениям. В частности В.С. Швырев полагает, что деятельность «не ограничивается только своего рода проекцией субъекта на объект, субъектно-объектными отношениями», поскольку «"мир" – это не только совокупность внешних объектов, но и мир человеческой субъективности» [20, с. 16]. Наряду с этим утверждением существует мнение о том, что способность человека к саморазвитию или любая другая активность, направленная на самого себя, характеризует субъекта как объект: «Объектом может быть природный предмет, тот или иной социальный институт, сам человек, поскольку он не сводится ни к природному, ни к социальному бытию; наконец, объектом деятельности может оказаться сам субъект, если он направляет активность на собственное "я" во имя, например, самопознания или самоизменения» [8, с. 46]. Однако подобное высказывание нельзя назвать правомерным, поскольку в какой бы роли не выступал субъект, он не может стать объектом в силу того, что обладает сознанием.

Кроме того, следует отметить и существование объект-объектных связей, которые, по мнению К.Х. Момджяна, устанавливаются между социальными предметами и дополняют в социальной системе субъектно-объектные связи многообразными объект-объектными зависимостями, которые «распадаются на взаимные связи вещей, взаимные связи символических предметов, а также взаимные связи вещей и символов» [12, с. 335].

Однако анализа отношений между указанными категориями будет недостаточно без выявления причины их формирования, которые заложены непосредственно в субъекте, действия которого обусловлены потребностями и возможностью их осознания, что определяет выбор и развитие различных форм и средств для удовлетворения потребностей. В данном контексте ориентиром является мнение К.Х. Момджяна, который отмечает, что «потребность, присутствующая в каждом человеческом действии, представляет собой не часть, существующую наряду с другими ее частями – субъектом и объектом, – а именно свойство одной из частей деятельности, ее субъекта» [12, с. 266], поэтому он определяет потребность как свойство субъекта, раскрывающееся в его отношении к необходимым условиям существования.

Чтобы пройти стадию опредмечивания потребности, необходимо участие сознания, которое обеспечивает в деятельности стадию целеполагания. Еще М. Вебер определял цель как «такое представление о результате, которое становится причиной действия, и так же, как мы принимаем во внимание любую причину, способствующую значимому результату» [4, с. 382]. Наряду с этим цель трактуется как желаемое будущее событие или состояние, т.е. как представление результата нашего действия. Иначе говоря, социальное действие непосредственно связано с субъективным восприятием действительности и является способом реализации субъективно осмысленных и целенаправленных действий. Категория «потребность» связана с конкретизацией представлений о субъекте деятельности, которым может выступать человеческий индивид, социальный слой, социальная группа, общество. Однако ряд ученых, в частности А.Г. Здравомыслов, утверждают, что носителем потребности могут выступать не только человеческий индивид, сообщества людей и др., но и любые биологические организмы» [7, с. 12]. Но при этом следует учитывать, что не любой биологический организм можно назвать субъектом деятельности, поскольку субъект, совершающий деятельность для удовлетворения потребности, должен еще обладать сознанием. Именно благодаря сознанию человек способен к деятельности, а не к поведенческим стереотипам как у животных. Но это не значит, что мы являемся противниками утверждения о том, что животные не имеют потребностей. Животные являются носителями потребностей, но для них они выступают источником активности; у человека же процесс целепостановки и целереализации опосредован всевозможными действиями, осуществляющимися на определенных фазах развития деятельности. Например, А.В. Соколов справедливо отмечает: «Потребности свойственны только живым организмам и социальным общностям, следовательно, потребность – атрибут жизни, отличительное свойство живого... Живые системы, являющиеся носителями потребностей, существенно различны, более того, они относятся к качественно от-

личным уровням организации материи – биологическому и социальному» [17, с. 13]. Однако исключения составляют экстремальные ситуации, когда принцип «если» неуместен, и осуществляются инстинктивные действия. Человек выступает в качестве субъекта деятельности в результате взаимоотношений с окружающей действительностью, благодаря предметному содержанию которой происходит активизация внутренних процессов в организме человека. В связи с этим субъект благодаря сознанию способен инициировать условия своего существования и определиться в них. Например, С.Л. Рубинштейн указывал: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» [15, с. 90]. В данном контексте уместно высказывание А.В. Брушлинского, который утверждал то, что быть субъектом – это одно из важнейших качеств человека, поскольку он является творцом собственной истории. Это, по его мнению, значит «инициировать и осуществлять изначально практическую деятельность, общение, поведение, познание, созерцание и другие виды специфически человеческой активности (творческой, нравственной, свободной) и добиваться необходимых результатов» [3, с. 94].

Формирование потребности проходит в рамках взаимоотношений субъект – объект, субъект – субъект, однако она не является противоречием между ними, как отмечает ряд ученых (В.Н. Логунов, В.Н. Мясичев и др.). Для понимания данного факта следует обратиться к концепции К.Х. Момджяна, который, согласно общепсихологической теории, использует категорию «отношение» в двух различных смыслах. В частности, по его мнению, в первом смысле отношение интерпретируется «как референтная соотнесенность явлений, не вовлеченных в процесс взаимодействия и, следовательно, не соединенных между собой реальными связями, соразмерностью изменений» [12, с. 330] и являются, свою очередь, вторичными, производными от отношений реального взаимодействия между людьми. Соответственно, реальное взаимодействие людей характеризует второй смысл категории «отношение», в котором она, согласно мнению К.Х. Момджяна, «обозначает особый класс неслучайных реальных связей, обладающих особым устойчиво воспроизводимым порядком, "формулой" зависимости между связанными явлениями» [12, с. 331]. Исходя из данного утверждения, неправомерна позиция В.П. Фофанова, утверждающего, что понятие субъекта не совпадает ни с понятием живой, ни с понятием опредмеченной деятельности, они фиксируют их взаимопроникновение, поскольку, утверждает исследователь: «Опредмеченная деятельность – это способ, каким система положена в субъект. Живая деятельность – это способ, каким субъект дан в системе» [19, с. 139]. Если придерживаться подобной позиции, то понятие «субъект» будет лишено не только своей целостности, но и в итоге не сможет претендовать на роль источника действия, что по сути уже неправомерно.

Что касается интерпретации потребностей как противоречия между субъектом и объектом, то данный тезис становится первым шагом к неправильной трактовке сущности потребностей, т.к. оно порождает мнение о том, что потребность в качестве материально-вещественного блага является, как отмечает В.Н. Логунов, «отражением взаимоперехода материального и идеального» [11, с. 14]. Кроме того, в исследованиях В.Н. Логунова данное утверждение становится следствием неверной трактовки взаимодействия потребности, субъекта и объекта, выраженной в том, что, согласно мнению ученого, не потребность становится детерминирующим механизмом взаимоотношений субъекта и объекта в структуре социального действия, а, наоборот, субъект и объект представляют структуру потребности, при этом указывая на то, что источник развития потребности заложен в ней самой, «поскольку потребность является действительным противоречием ее объекта и субъекта...» [11, с. 15]. На наш взгляд, подобное отношение слишком абстрактно и лишено фактической основы, так как потребность формируется внутри субъекта и выражает его отношение к условиям жизни, а не сами условия жизни. Это связано с тем, что для определения понятия «материальное» недостаточно быть независимым от человека, согласно мнению ряда сторонников социально-философской теории. Обоснование данной позиции связано

с именем К.Х. Момджяна, который, ориентируясь на учение К. Маркса, определил, что единственным признаком материальности «является существование вне человеческого, которое есть чистая идеальность, лишенная не только субстратности вещей, но и определенности их свойств и отношений» [12, с. 257]. Иначе говоря, проблема поиска материального детерминанта социальной деятельности стоит выше отождествления с окружающими предметами действительности.

Кроме того, не является противоречием также процесс опредмечивания – распрямления потребности, поскольку это этап развития потребности в деятельности субъекта, стадия ее осознания. В связи с этим, если использовать понятие «отношение» относительно категории «потребность», то в рамках рассмотрения развития потребности в человеческой деятельности, поскольку теоретическое рассмотрение понятия «отношения» связано непосредственно с развитием. Соответственно, уместно также попытаться использовать понятие «отношение» для более глубокого понимания того, как именно функционирует механизм управления поведением. В этом плане изучение потребности уже не ограничивается указанием на её роль инициирующего начала деятельности, а сосредотачивается на рассмотрении периодически происходящей смены её состояний.

Определение потребности как нужды становится причиной заблуждений о виртуальном характере потребности. Например, современный ученый Жан Бодрийяр приходит к мнению о том, что потребности человека условны, подвижны, поскольку «на стадии ремесленного производства вещи отражают в себе потребности людей в их случайности и единичности. Обе системы взаимно подогнаны друг к другу, но все вместе остается слабо связным – относительная связанность имеется разве что в системе потребностей» [2, с. 156–157]. Данный подход, по его мнению, является наиболее объективным выходом из ситуации, когда четкость границ между самой потребностью и ее предметом, что, по сути, неизбежно в русле представлений о потребности как определенном состоянии.

Фактически, проводя анализ феномена потребления в современном обществе, приходишь к пониманию того, что угроза состоит не в самом факте потребления, а в том, что мы не стараемся найти внутренних сил противостоять этому процессу. Представленный анализ потребностей ярко показывает то, что слишком большое значение придается нашим состояниям и ощущениям, которые, по сути, не всегда бывают правильными, исходя из организации деятельностного процесса, и то, как мы мотивируем свои действия, это наше понимание ситуации. Одна из основных проблем восприятия потребления как источника наших бед связана, в первую очередь, с тем, что сложился определенный стереотип, что наши действия детерминированы нуждой, желанием. При подобном подходе вопрос о потреблении зашел бы в тупик. Рассматривая структуру развития деятельности, где потребность – это материальный детерминант, дает возможность принять во внимание то, что зная определенный набор потребностей, присущий каждому человеку, можно понять, посредством чего манипулируют средствами массовой коммуникации. Информированность на уровне самопознания позволяет выделить и увидеть те механизмы, которые контролируют процесс отбора вариантов удовлетворения потребностей.

Таким образом, само потребление не является проблемой, проблемой нужно считать то, что человек становится заложником своих желаний, а рост потребления, в свою очередь, зависит от роста количества предложений, т.е. акцент на потребительстве в современном обществе формирует благоприятные условия для развития зависимости субъекта от внешних стимулов. Внутренняя самодисциплина и информированность о механизмах развития деятельности позволяют человеку установить границы потребления. В этой связи актуально звучит цитата Х. Ортега-и-Гассета: «Жизнь – это борьба с миром вещей, чтобы удержаться среди них» [13, с. 38].

Список литературы

1. Байлук В. В. Социальный детерминизм: категориальный анализ / В. В. Байлук. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1983. – 286 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. – М. : Рудомино, 1995. – 172 с.

3. Брушлинский А. В. Деятельностный подход и психологическая наука / А. В. Брушлинский // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 89–95.
4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – М.: Наука, 2002. – 288 с.
6. Дюркгейм Э. Социология / Э. Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
7. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
8. Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М., 1974. – С. 46.
9. Карабущенко П. Л. Формальная демократия и неформальные элиты / П. Л. Карабущенко // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. – 2007. – Т. 4. – С. 100–111.
10. Кравченко Е. И. Теория социального действия: от М. Вебера к феноменологам / Е. И. Кравченко // Социологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 121–140.
11. Логунов В. Н. Общественная динамика потребностей и потребления / В. Н. Логунов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991. – 325 с.
12. Момджян К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М.: Университет, 1997. – 448 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2002. – 506 с.
14. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
15. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) / С. Л. Рубинштейн // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 89–95.
16. Смирнов С. Д. Методологические уроки концепции А.Н. Леонтьева / С. Д. Смирнов // Вестник Московского университета. – 1993. – № 2. – С. 15–25. – Серия 14. Психология.
17. Соколов А. В. Коммуникационные потребности / А. В. Соколов. – Краснодар: Академия культуры, 1996. – 160 с.
18. Тараткевич М. В. Человек. Среда. Потребности / М. В. Тараткевич. – Минск: Беларусь, 1980. – 271 с.
19. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система / В. П. Фофанов. – Новосибирск: Наука, 1981. – 236 с.
20. Швырев В. С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» / В. С. Швырев // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 107–114.
21. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
22. Ющенко Ю. А. Методологические проблемы типологии исторического процесса / Ю. А. Ющенко. – М.: Университет, 2001. – 200 с.

НООГУМАНИСТИЧЕСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕГО ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

**Р.Б. Шиндаулова
(Казахстан, Алматы)**

На основе сравнительного анализа ноогуманистического мировоззрения с близкими ему типами разных мировоззрений (ноосферного, естественнонаучного, гуманистического) определены его специфические признаки.

Based on comparative analysis of the Noohumanistic Worldview versus various worldview / outlook types related thereto (Noospheric, Scientific, Humanistic) the author has investigated its specific features.

Ключевые слова: ноогуманистическое мировоззрение, сравнительный анализ, специфические признаки.

Key words: Noohumanistic worldview, comparative analysis, specific features.

Центральным звеном понятия «ноогуманистическое мировоззрение» является понятие «ноогуманизм». Данное интегральное понятие «ноогуманизм» состоит из ноосферной и гуманистической составляющих. Ноосферная (естественнонаучная) составляющая включает в себя идеи русского космизма, экологическую (экологоориентированную) компоненту (учение о ноосфере, концепцию устойчивого развития, положения экологической педагогики и психологии: В.И. Вернадский, А.В. Гагарин,